

[Тареев М. М.] Страница из недавней истории богословской науки: [Ревизия академий за 1908 год] // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 6/7. С. 108–116 (1-я пагин.). (Начало.)

Страница изъ недавней исторіи богословской науки (Ревизія академій въ 1908 г.)¹).

Въ 1908 г. была произведена ревизія духовныхъ академій по всѣмъ частямъ академической жизни. Московскую (и Петроградскую) академію ревизовалъ Димитрій, архіепископъ Херсонскій, въ сотрудничествѣ съ проф. М. А. Остроумовымъ (по административной и редакціонной) и управляющимъ синодальнымъ контролемъ П. С. Даманскимъ (по хозяйственной части).

Преосвященнымъ Димитріемъ былъ представленъ въ Св Синодъ отчетъ о ревизіи.

Отчетъ по обзорѣнію Московской Духовной Академіи въ сентябрь-октябрь 1908 (Димитрія архіеп. херсонскаго и одесскаго).

(Отрывокъ первый).

. . . . Обращаетъ на себя вниманіе программа чтеній по нравственному богословію, 1906 7 года.

Она кратка,—перепиываю ее всю.

Первое полугодіе.

Типы современной этической мысли.

1. Утилитаризмъ. 2. Эволюціонизмъ. 3. Позитивизмъ. 4. Соціальная этика и социализмъ.

¹ Извлечено изъ Архива св. Синода: дѣло (1908 г.) № 86 (по II столу I отдѣленіе) т. IV.

Второе полугодіе:

Евангельское ученіе.

1. Ветхозавѣтная основа евангельскаго ученія.
2. Богъ Отець.
3. Вѣчная жизнь.
4. Царство Божіе.

Вотъ и все нравственное богословіе. Полгода слушали о всякихъ *измахъ* ¹⁾. А во второмъ полугодіи не услышали о Христѣ и жизни возрожденнаго благодатію Св. Духа чело-вѣчества ²⁾. Неужели послѣдними тремя §§ общаго харак-тера, „съ ветхозавѣтной основой евангельскаго ученія,“ исчерпывается христіанское нравственное богословіе? И это послѣ того, какъ въ теченіе цѣлаго перваго полугодія про-фессоръ раскрывалъ предъ студентами утилитаризмъ и проч.! — Въ 1907-8 году профессоръ Тарѣевъ программы повидимому не представилъ. Мнѣ она не доставлена ³⁾. И уже только

¹⁾ Тотъ же ревизоръ въ Петроградской академіи о лекціяхъ проф. Бронзова далъ такой отзывъ. „Съ пріятностью и полнымъ удовле-твореніемъ я слушаю лекціи профессоровъ... А. Бронзова по нравственному богословію: Критика социалистической морали. Лекція на тему очень современную... Итакъ, что у проф. Бронзова—пріятная современная тема; то у проф. Тарѣева—всякіе замы. Это называется: „не по хорошу миль, а по милу хороши“. Такъ пишется исторія и такъ производится ревизія.

Въ объяснительной запискѣ къ академическому уставу 1910 года преподавателямъ нравственнаго богословія уже „вмѣняется въ обязанность съ возможною полнотою и обстоятельностью излагать ученіе о христіанскихъ основаніяхъ жизни личной, семейной и общественно-государственной... чтобы для слушателей ясна была несостоятельность социализма и сродныхъ доктринъ“ (М. Т.).

²⁾ „Евангельское ученіе“—это второй томъ *Основъ христіанства*. Если второй томъ *Основъ христіанства* не есть ученіе „о Христѣ и жизни возрожденнаго чело-вѣчества“, то что же, по мнѣнію преосвященнаго ревизора, можетъ быть названо ученіемъ „о Христѣ и жизни возрожденнаго чело-вѣчества“? Если второй томъ *Основъ христіанства* не исполняетъ программы „христіанскаго нравственнаго богословія“ и есть лишь „что-то такое о евангельскомъ ученіи“ (см. ниже), то почему же преосвящ. Дми-трій не повѣдалъ міру болѣе совершеннаго слова „о евангельскомъ уче-ніи“, пбо въ нашей литературѣ—это единственный опытъ изложенія евангельскаго ученія? (М. Т.)

³⁾ Отдѣлъ ревизорскаго отчета о программахъ лекцій начинается такъ: „Вопреки указанію Устава (§ 81, а, 3) программы лекцій не вносятся въ Совѣтъ Академіи на рассмотрѣніе и утвержденіе. Въ архивъ Совѣта

24 сентября 1908 года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи учебнаго года, когда уже прибылъ ревизоръ, онъ вмѣсто программы представилъ „свѣдѣнія о преподаваніи Правственнаго богословія въ Московской Духовной Академіи. Въ 1907-8 акад. году студентамъ прочитано“. Что же прочитано? проф. Тарѣевъ теперь спохватился, что въ предыдущемъ году поступилъ неловко: сначала (первое полугодіе) говорилъ о различныхъ этическихъ заблужденіяхъ, а во второмъ уже полугодіи предлагалъ что-то такое о евангельскомъ ученіи. Теперь же онъ переставилъ отдѣлы одинъ на мѣсто другого ¹⁾. И—только. Къ этому присоединяется при-
не поступають. Повидимому онъ по поступленіи къ ректору выѣмъ не разсматриваются; на немногихъ только есть помѣтка рукою ректора времени ихъ поступленія. Онѣ хранятся въ домашнемъ архивѣ ректора, и, кажется, въ разбросъ между другими бумагами архива. На выраженное мною пресвященному ректору желаніе ознакомиться съ программами за послѣдніе годы, онѣ присланы были мнѣ не скоро, и не сразу всѣ, а въ вѣсколько пріемовъ, очевидно, по мѣрѣ розысканія ихъ при парочитомъ разборѣ накопившихся у ректора бумагъ. ... При такой ненадежности источника, изъ котораго пресвященный ревизоръ почерпалъ документы для своихъ заключеній о профессорахъ, приговоры его не имѣли подь собою почвы и не могли претендовать на категоричность. (М. Т.)

¹⁾ Пресвященному Дмитрію проф. Тарѣевъ рисовался (т. е. былъ, зарисованъ заинтересованными въ томъ лицами) пройдохой, темнымъ дѣльцомъ, а свою задачу пресв. ревизоръ видѣлъ въ томъ, чтобы изобличить всѣ махинаціи г. Тарѣева, отыскать слѣды его продѣлокъ, выслѣдить его хитро задуманные ходы. При этомъ—нужно помпить—вся ревизія велась закулисно, скрытно. (Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ). Проф. Тарѣевъ программы чтеній въ началѣ года не подаетъ. Явно, почему. Желаетъ замести свои слѣды, не оставить документальной памяти о своихъ безбожныхъ лекціяхъ. Но неожиданно пріѣзжаетъ ревизоръ. Выслѣживаемый профессоръ заматался, почувалъ бѣду. Нашелъ выходъ: ловкій человекъ! Ваялъ, да подаль, ни съ того, ни съ сего, уже только въ сентябрѣ, когда уже прибылъ ревизоръ, подаль *вмѣсто программы* свѣдѣнія о прочитанномъ. Однако не на таковского ревизора попалъ г. Тарѣевъ: пресвященный Дмитрій, вспомоществуемый М. А. Остроумовымъ, вывелъ его на свѣжую волю, не далъ провести себя на мякинь. Неловко выслѣживаемый, но еще хитре слѣдопыты... Такъ производилась ревизія.

Дѣло было много проще, чѣмъ то представлялось разгоряченному воображенію ревизоровъ. Свѣдѣнія о прочитанномъ *обычно* подаются въ Московской Академіи къ 1 октября—для внесенія ихъ въ отчетъ о состояніи академіи, который прочитывается на торжественномъ актѣ въ этотъ день, а затѣмъ печатается. Никакого приспособленія къ ревизору здѣсь не было, никакого „вмѣсто программы“, ничего подобнаго!

ложение: „На экзаменѣ студенты отвѣчали по книгѣ *Вѣра и жизнь по евангелію*, въ которой воспроизводятся лекціи перваго полугодія. Изъ лекцій втораго полугодія студентамъ предлагались вопросы внѣ программы“. Что значить это „предлагались вопросы внѣ программы“? Значить ли, что программа не была выдана, или что на экзаменѣ требовалось не то, что стояло въ выданной предъ началомъ лекцій программѣ 1)?..

Проф. Таръевъ еще три года назадъ устроилъ свои лекціи такъ, что въ 1908-9 учебномъ году, въ началѣ котораго я обозрѣвалъ Академію, лекцій у него вовсе не было 2). Въ проф. Таръевъ „сдохнулся“... и чтобы втереть ревьюору очки въ глаза, взялъ да переставилъ отдѣлы программы одинъ на мѣсто другого. Никакъ нельзя понять, зачѣмъ это могло понадобиться, въ чемъ тутъ, по мнѣнію ревизора, заключалась хитрость: почему читать—въ первомъ полугодіи о евангеліи, а во второмъ о социализмѣ болѣе благонадежно чѣмъ читать въ обратномъ порядкѣ? Что показанія „свѣдѣній о прочтѣнномъ въ 1907-8.“ напечатанныхъ въ „Отчетѣ о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1907-1908 уч. году“ (см. Вѣст. 1908 ноябрь), не придуманы для ревизора, а соответствуютъ дѣйствительности, это свидѣтельствуется тѣмъ, что второй томъ *Основъ христіанства* въ первомъ полугодіи (читался на лекціяхъ и непосредственно печатался въ нѣсколькихъ журналахъ, такъ что во второмъ полугодіи (Великимъ постомъ) уже появился въ печатанномъ видѣ (слѣдовательно, не могъ читаться на лекціяхъ). Но показательно и то, что въ „Отчетѣ о состояніи М. Д. А. въ 1906-1907 уч. г.“ уже давно—за годъ напечатанномъ (Б. В. 1907 октябрь) до ревизіи, сообщается: „Ординарный профессоръ Михаилъ Таръевъ по нравственному богословію студентамъ II и IV курса прочиталъ: *Вѣра и жизнь по евангелію... Нравственная природа челоука и естественное зрѣніе о нравственности*“... Снова чтенія о евангеліи приходились на первое полугодіе. Къ чему это ревизоры ткали свою паутину?.. (М. Т.).

1) Въ чемъ было недоумѣніе ревизора?.. Изъ прочитаннаго профессоромъ въ теченіе года часть (*Вѣра и жизнь по евангелію*) ко времени экзаменовъ была напечатана, и экзаменаціонная программа брала только эту напечатанную часть, которую студенты готовили къ экзамену и отвѣчали на экзаменѣ „по билетамъ“, а остальное изъ прочитаннаго въ теченіе года въ *экзаменаціонную* программу не вошло, къ экзаменамъ студентами не приготавлилось—ве по чему было— и по билетамъ не спрашивалось, а спрашивалось (въ строгое исполненіе циркуляра, чтобы экзаменъ соответствовалъ прочитанному) только „по вопросамъ внѣ (экзаменаціонной) программы“. И вотъ изъ такого порядка производства экзамена „остроумные“ ревизоры пришли къ выводу, что „на экзаменѣ требовалось не то, что стояло въ выданной предъ началомъ лекцій программѣ“! (М. Т.)

2) Не „профессоръ Таръевъ устроилъ“ такъ, а Совѣтъ Академіи, что и зафиксировано въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій. (М. Т.)

дальнѣйшемъ теченіи рѣчи, въ главѣ: о посѣщеніи лекцій, съ нимъ я уже не встрѣчусь. Поэтому, сейчасъ же скажу о немъ еще нѣсколько строкъ. Профессоръ Тарѣевъ обратилъ на себя вниманіе въ богословскихъ и благочестивыхъ кругахъ своимъ богословіемъ въ 4 обширныхъ томахъ, подъ особымъ заглавіемъ каждый. Своеобразное его богословствованіе вызвало во многихъ недоумѣніе, порицаніе, негодованіе, а въ нѣкоторыхъ богословскихъ кругахъ оно встрѣчено съ любопытствомъ. Говорятъ, провинціальныя богословы, особенно молодые, явно выражаютъ желаніе подладиться къ тарѣевскому богословію ¹⁾; тогда какъ въ Сергіевомъ посадѣ многіе горячо протестовали противъ принятія лаврской книжной лавкой на комиссію книгъ Тарѣева, противъ помѣщенія на полкахъ лавки, среди книгъ душеспасительныхъ, и книгъ Тарѣева, безбожныхъ и безнравственныхъ ²⁾, лаврское начальство должно было удалить эти книги изъ лавки (сообщено мнѣ о. Намѣстникомъ Лавры) ³⁾. Профессоръ Тарѣевъ задумалъ проложить новые пути богословія, ввести въ христіанское богословіе новыя идеи, утверждающіяся полагаеть онъ, на основахъ евангельскихъ; ему желательно привести къ соглашенію христіанское богословіе съ современными умственными задачами, нравственными запросами и требованіями. Въ своемъ богословствованіи онъ незамѣтно сблизился съ современными богословско-философскими теченіями, которыя уклоняются отъ евангельско-церковнаго христіанства и пытаются создать какое-то философское неохристіанство. Мережковскій и Розановъ своей теоріей культа плоти произвели на Тарѣева весьма замѣтное впечатлѣ-

¹⁾ Быстрое распространеніе *Основъ христіанства* особенно тревожило М. А. Остроумова, который, почему-то, усматривалъ въ этомъ обстоятельстве личную обиду для себя. (М. Т.)

²⁾ *Основы христіанства*—безбожное (атеизмъ) и безнравственное (имморализмъ) сочиненіе?! (М. Т.)

³⁾ Съ фактической стороны это правда. Въ то время въ монастырѣ испортился водопроводъ и среди монаховъ распространилась легенда: Богъ накажетъ монастырь за то, что въ его типографіи были напечатаны и въ его лавкѣ продаются *Основы христіанства*. Монастырская администрація приняла мѣры къ отвращенію гнѣва Божія.. Намѣстникъ лавры, архимандритъ Товія, за свое гошеніе на *Основы христіанства* позднѣе, стараніями ректора Академіи преосв. Θεодора, былъ избранъ—какъ мнѣ выяснилъ связь событій одинъ изъ видныхъ монаховъ лавры—въ почетныя члены Академіи (М. Т.).

ніе, и онъ сдѣлалъ попытку выяснитъ поставленную ими проблему отношенія духа и плоти съ исключительно евангельской точки зрѣнія. Въ его богословской мысли, подъ воздействием новыхъ идей, совершается переломъ. Въ его головѣ естественно стоитъ смута понятій. Къ сожалѣнію, не выношенное, не опредѣлившееся, не установившееся, не созрѣвшее въ его собственномъ сознаніи, онъ, посредствомъ печати, сдѣлалъ общимъ достояніемъ, къ великому соблазну многихъ, признавшихъ въ немъ не богослова-мыслителя, трудной умственной работой ищущаго выясненія выдвинутыхъ движеніемъ богословствующей мысли проблемъ, а еретика, своимъ мудрованіемъ развращающаго неопытныхъ и слабыхъ.

Приведу выдержку изъ его статьи *Духъ и плоть* (Богослов. Вѣстн. 1905 г. янв. стр. 22—27). „Свобода духа необходимую точку опоры можетъ имѣть только въ свободѣ плоти. Свобода плоти—въ полнотѣ и самобытности плотской жизни, въ полнотѣ ея радостей, ея страстей, особенно радостей брачныхъ... Было бы ошибочно приисывать нравственности исключительно божественное происхожденіе и небесный характеръ; напротивъ, она имѣетъ утилитарную сторону, земной характеръ. Радость плотской любви сама по себѣ не только не безнравственна, но она то и составляетъ естественный фундаментъ нравственности: она создаетъ стыдъ, какъ напряженіе половой любви; изъ нея развивается семья... Безъ естественныхъ плотскихъ страстей, безъ плотскихъ радостей, безъ личнаго самолюбія... не было бы міровой исторіи.

„Съ евангельской точки зрѣнія, плотской жизни должна быть предоставлена полная свобода. Христіанство, или евангеліе, не можетъ опредѣлять плотской жизни. Евангеліе нельзя проповѣдывать дѣтямъ, потому что это значило бы внушать имъ ненависть къ отцу и матери, къ братьямъ и сестрамъ, а это было бы полною нецѣлостію... Если бы удалось внушить кому-нибудь евангеліе съ дѣтства, съ первыхъ дней сознанія воспитать его въ истинномъ христіанствѣ, то вѣдь это выросъ бы жалкій уродецъ, никому и ни на что негодный“...

По прочтеніи этихъ строкъ можетъ послѣдовать отзывъ одинъ: это не богословіе, а буюсловіе, впечатлѣніе отъ кото-

раго еще болѣе усиливается рѣзкостью тона, ради убѣдительности.

Но какъ же быть? Вѣдь этотъ новый богословъ, ищущій свободы духа въ свободѣ плоти, есть профессоръ Нравственнаго богословія, напитывающій своими идеями будущихъ богослововъ церкви. Студентамъ онъ указываетъ, по его собственному заявленію, изучать нравственное богословіе (готовиться къ экзамену) по его сочиненіямъ. А лекціи, вновь имъ сказанныя студентамъ, появляясь въ печати, разносятся далѣе студенческой аудиторіи.

Я ознакомился съ 4 томами Богословія Тарѣва, особенно, съ т. четвертымъ, и мнѣ жаль стало, что несомнѣнно талантливый ученый, усердный работникъ въ богословской литературѣ, желая проложить новые пути для богословія, запутался въ трущобахъ лжеученія. Нельзя ли протянуть ему руку помощи. Именно, предоставить ему внимательно пересмотрѣть свои богословскіе труды, переобсудить свои новыя идеи, и представить когда и куда будетъ указано надлежащій докладъ о своемъ богословіи, разъясняющій, выправляющій, а, можетъ быть, и совсѣмъ отмечающій многія его воззрѣнія, неправильность которыхъ теперь для него незамѣтна. Потому что устремляясь впередъ, увлекаясь разработкою новаго пути, онъ не оглядывается назадъ, и не видитъ кривизны своей работы. Пусть будетъ указано ему осмотрѣть свою работу внимательнымъ ретроспективнымъ взоромъ. По полученіи отъ Тарѣва доклада, такъ сказать, самокритики, пусть было бы поручено рассмотреть оный особо назначеннымъ лицамъ компетентнымъ. Дѣло заслуживаетъ вниманія.

(Отрывокъ второй).

О Библиотекѣ... Проф. Андреевъ выписывалъ въ академическую библіотеку не книги, а книжки, книжечки, брошюрочки, въ 30, 25, 20, 15, 14, 10, 8, 6, 4, даже 3 коп. И между этимъ хламомъ нѣтъ ничего не только учено-богословскаго, но и какой-нибудь мелочи изъ популярно-пазидательной религіозной литературы. Все политика, социологія ¹⁾...

¹⁾ „Выписывалъ“: это придаетъ *неправильное* освѣщеніе всей ученой фізіономіи проф. Андреева. П. Д. Андреевъ *выписалъ* въ библіотеку осво-

Андрееву не очень уступаетъ проф. Тарѣевъ, который своими дезидерата кощѣчными (но и подороже) переполнилъ академическую библіотеку политическимъ, анархическимъ и социалистическимъ хламомъ ²⁾, а также Коноваловъ, дезидерата котораго переполнены мелочью изъ области психопатіи, нейрастеніи ³⁾ и проч.

Освободительное движеніе и борьба за автономію въ Московской Духовной Академіи. Записка проф. М. А. Остроумова.

(Отрывокъ третій).

... Примѣчательно, что вся эта совокупная со студентами демонстрація (профессоровъ) въ честь освободительнаго движенія и ради протеста противъ существующаго правительственнаго режима совпала съ рядомъ лекцій о монашествѣ, прочитанныхъ на трехъ старшихъ курсахъ профессорами нравственнаго богословія, Патристики и Русской церковной исторіи. Еще 1-го февраля С. Смирновъ на IV и III курсахъ читалъ лекціи по слѣдующей программѣ, занесенной въ журналъ IV курса: „Кругъ воззрѣній передоваго монашества. Монашескій спортъ и демонологія. Положеніе монашества въ обществѣ въ кievскій періодъ. Идеалы и симпатіи лучшихъ людей того времени. Древне-русская проповѣдь этихъ идеаловъ“. Въ то же время студентомъ II курса записано въ журналъ: „Иноческіе идеалы по воззрѣніямъ рядоваго монашества. Постриженіе передъ смертью. Погребеніе въ монастыряхъ. Невозможность спасенія въ мірѣ по воззрѣніямъ древне-русскаго общества. Монастырская дисциплина и ея вліяніе на русское общество“. 16-го на второмъ курсѣ по Патристикѣ было записано: „На 1-ой лекціи было читано о происхожденіи монашества“, но написанное студентомъ было проф. Ив. Поповымъ зачеркнуто, и вмѣсто того рукою профессора написано такъ: „По недостатку бодятельную литературу 1905—1906 года въ возможной полнотѣ, и тѣмъ оказалъ для будущаго историка этихъ годовъ неоцѣнимую услугу (М. Т.).

²⁾ Какъ проф. Тарѣевъ могъ бы написать свое изслѣдованіе о социализмѣ безъ этого „политическаго, анархическаго и социалистическаго хлама“? (М. Т.).

³⁾ По предмету диссертація Д. Г. Коновалова (М. Т.).

слушателей (присутствовали одинъ человѣкъ) вмѣсто продолженія курса была предложена бесѣда о точкахъ зрѣнія съ которыхъ можно разсматривать творенія о. о. церкви, и объ идеяхъ, лежащихъ въ основѣ монашества“. Того же числа на четвертомъ курсѣ записано: „На первомъ полу-частвѣ (sic!) по русской церковной исторіи 13 слушателямъ, студентамъ академіи, предложено было „научная бесѣда“ (надписано: лекція) по житію Епифанія о преподобномъ Сергіи Радонежскомъ. На второй лекціи былъ предложенъ разсказъ о томъ же. С. Смирновъ“. 18 февраля на четвертомъ курсѣ: „На лекціяхъ по Нравственному богословію студентамъ предложена была чтеніе о монашествѣ съ точки зрѣнія христіанской этики, въ основѣ которой должна быть положена двухъ-составная основная заповѣдь христіанства о любви къ Богу и ближнимъ. Анализъ сужденій архимандрита (нынѣ епископа) Никона объ идеалахъ монашества. Обзоръ дѣятельности женскихъ благотворительныхъ монастырей въ югозападномъ краѣ, съ исторической справкой объ ихъ возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи“. Такимъ образомъ въ забастовочный моментъ въ Московской академіи студентамъ предлагались въ сущности внѣ порядка изложенія со-отвѣтственныхъ наукъ ¹⁾ бесѣды о монашествѣ тремя профессорами на трехъ курсахъ. Что обозначало такое странное совпаденіе, догадаться не трудно: это было предвѣстіе того, что затѣмъ со всею откровенностью было выражено профессорами въ ихъ пресловутой „Запискѣ“, представленной въ Совѣтъ Академіи во время второй забастовки 13 октября того же года, въ которой они вооружаются противъ монашествующаго академическаго начальства.

¹⁾ Итакъ, по мнѣнію ревизоровъ въ программу чтеній по Нравственному богословію не должны входить ни отдѣлъ о евангельскомъ ученіи, ни критическій отдѣлъ о позитивной этикѣ, ни отдѣлъ о монашествѣ! До чего же не могутъ договориться ревизоры, если они пишутъ въ увѣренности, что ихъ довереніе будетъ на вѣки храниться подъ семью замками?..